

О ПРИРОДЕ И ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ЗНАНИЯ

КАДЖИК ОГАНЯН (Ленинград)

Философское понимание природы знания, базирующееся на принципах материализма и диалектики, в отличие от всех частнонаучных подходов, заключается в признании его прежде всего особым результатом субъективно-объективного взаимодействия—процесса отражения. Иначе говоря, знание—это прежде всего гносеологический образ. Ясно далее, что не всякий акт отражения как воспроизведения количественных и качественных характеристик отражаемого в отражающем завершается возникновением гносеологического образа вообще, знания в частности. На досоциальных уровнях такого взаимодействия продуцируются различного рода физические, химические, физиологические и т. п., а в более сложных ситуациях—психические образования, в той или иной степени соответствующие своим объектам. Знание, следовательно, выступает реально результатом не любого отражательного процесса, а лишь одной, сугубо социальной по своей сущности его формы—познания. Познание, хотя, как правило, и определяется опять-таки посредством понятия «отражение», на самом деле не сводится только к нему. Его отождествление с простым, непосредственным воспроизведением объекта в психических структурах ведет к совершенно неоправданному расширительному толкованию этого процесса, имеющему место иногда даже в специальной литературе. «Познание,—утверждает, например, один из авторов,—возникает до появления высшей формы психического отражения—сознания человека»¹. Познание и его важнейший результат—знание, с одной стороны, и отражение, с другой, не совпадают полностью. Отражение—явление, как известно, значительно более распространенное и широкое. «...Логично предположить, что вся материя обладает... свойством отражения»². Это свойство заключается в копировании того, что принадлежит объекту.

Отражение или отображение, взятое с процессуальной стороны, выступает хотя и определяющей, фундаментальной, но всё-таки лишь одной стороной познавательного процесса. Следует учитывать, что «мысль (= человек) не должна представлять себе истину в виде мертвого покоя, в виде простой картины (образа), бледного (тусклого) без стремления, без движения...»³. Познание в определенном смысле «выходит» за пределы отображения. Его вторая важная сторона определяется активным, творческим отношением познающего как к процессу формирования образов, так и к относительно завершенным, различным по своей гносеологической значимости духовным образованиям, поскольку «сознание не только отражает объективный мир, но и творит его»⁴.

¹ И. И. Иванова, Сознание как познание («Проблемы сознания», Материалы симпозиума, М., 1966, с. 147).

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, с. 91.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, с. 176—177.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, с. 176—177.

Активность гносеологического субъекта, проявляющуюся в реальных познавательных процессах, нельзя ни абсолютизировать (как это делали представители классического идеализма), ни игнорировать, подобно создателям домарксистских материалистических систем. Учитывая, что генеральной стратегической целью познания вообще и научного особенно являются объективные результаты, следует иметь в виду, что чем больше познающий углубляется в изучаемые объекты, тем более сложными становятся формы отражения. Это усложнение происходит по ряду причин, среди которых особое место занимает усиливающееся субъективное вмешательство. Только в итоге, в «сумме», в тенденции достигается объективность знания. Именно поэтому объяснение познавательных форм — их природы, свойств, содержания и внешней структуры не может быть дано на пути непосредственного сопоставления с их чувственно-эмпирическими конкретными объектами, без учета результатов субъективного опосредования. Объективные основания активности познающего субъекта коренятся в досоциальных уровнях отражения, где структура и форма «копии», «слепок», «снимка» зависят не только от особенностей отображаемого, но существенным образом определяются свойствами отображающего. В познании же как сугубо социальном по своей сути процессе эта активность производится от предметно-практической деятельности конкретно-исторического субъекта. «...Люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей деятельностью также свое мышление и продукты своего мышления»⁵.

В ряду разнообразных способов проявления активности субъекта в познавательных ситуациях, накладывающих так или иначе отпечаток на их результаты, особое место занимают его оценочные действия. Эти действия выражают особое отношение познающего к формирующимся гносеологическим образам, возникающее в ходе приложения к ним социально выработанных нормативов и оценок.

Следует отметить, что в марксистской литературе ценностный аспект познавательного отражения стал рассматриваться не сразу, поскольку теория ценностей разрабатывалась первоначально в основном применительно к этическим и эстетическим проблемам. В результате развернувшейся в последние годы дискуссии тезис о принципиальной включенности оценочных компонентов в познание не только не отвергается, но и становится общепризнанным. «Знание вообще, и научное знание (наука) в частности, представляет собой не просто констатацию истины...—фиксировал эти компоненты Г. Геворкян.—Оно включает в себя и оценки... Некоторые из этих оценок...вплетены в самую ткань знания, и без них знание и наука теряют свою специфичность»⁶.

Развернутое обсуждение ценностных аспектов современного научного познания состоялось несколько лет назад на теоретической конференции в Обнинске⁷. В ходе дискуссии о принципиальной возможности включения оценочных компонентов в познание некоторые авторы высказывали опасение, что её признание ведет к субъективизации и даже психологизации познавательного отражения. Эти опасения, однако, оправдываются лишь в рамках идеали-

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 3, с. 25.

⁶ Г. А. Геворкян, К вопросу о признании в науке утверждений и теорий («Философские вопросы логического анализа научного знания», Ереван, 1971, 2, с. 5).

⁷ «Ценностные аспекты современного естествознания», Обнинск, 1963.

стических и метафизических концепций, где игнорируется, как правило, общественно-историческая сущность гносеологического субъекта, социальная обусловленность его ценностных установок, его духовного содержания в целом. Познание, таким образом, синтезирующееся из двух неотторжимых друг от друга моментов—объективного в известном смысле процесса отображения и ценностно окрашенного (нормативного) отношения субъекта к формирующимся результатам, порождает собственно гносеологические образы—знание, заблуждение, сопутствующие им формы—мнение, убеждение и т. д. Теоретическая фиксация их как относительно самостоятельных, хотя и переходящих друг в друга этапов познавательного процесса путем выявления их специфических атрибутов и свойств позволяет рассмотреть познание как движение от незнания к знанию, от знания менее полного и точного к знанию более полному и точному.

Поскольку знание, как и всякий образ,—продукт отображения, постольку оно характеризуется адекватностью—определенной степенью соответствия своему объекту. Понятие адекватности в современной литературе раскрывается нередко с помощью общенаучных терминов «изоморфизм» и «гомоморфизм». Предполагается при этом, что отображение, во-первых, причинно обусловлено отображаемым, во-вторых, отношение образа и отображаемого равносильно тождеству структур и взаимно-однозначному соответствию их элементов и, в-третьих,—компоненты, находящиеся в отношении изоморфизма или гомоморфизма к компонентам отображаемого связаны с последним отношением сходства⁸.

Определенная степень структурного и качественного соответствия оригиналу присуща, как известно, не только собственно гносеологическим, но также и психическим и логическим образам и вместе с ними—результатам досоциальных способов отражения. Она формируется хотя и в ходе субъектно-объективного взаимодействия, но объективным способом, т. е. без какой-либо особой рефлексии со стороны познающего, без его специального вмешательства, без осознания, без субъективного опосредствования. Такое невыявленное и неоцененное субъектом отношение образа к отображаемому иногда называют «истиной в себе»⁹.

Соотношение степеней совпадения и несовпадения образа и его объекта соответствует диалектике определенности и неопределенности. Принципиальная неполнота, присущая любому образу, и есть его неопределенность в том отношении, что данный образ не отобразил всех особенностей, всего содержания отображаемого¹⁰. В. И. Ленин подчеркивал условность приближения, познания и его результатов к познаваемой действительности, историческую условность пределов этого приближения, уподобляя её условности контуров картины, безусловно, изображающей объективно существующую модель¹¹.

⁸ Д. П. Горский, И. С. Нарский, Т. И. Ойзерман, Истина как процесс и как результат познания («Современные проблемы теории познания диалектического материализма», М., 1970, т. 2, с. 30).

⁹ Г. А. Геворкян, К вопросу о признании в науке утверждений и теории, с. 5; Л. В. Смирнов, Вероятность и ее роль в научном познании, Л., 1971, с. 86; А. Г. Волов, Знание и мнение как гносеологические категории (автореферат канд. дисс., Л., 1973).

¹⁰ В. С. Готт, А. Д. Урсул, Определенность и неопределенность как категории научного познания, М., 1971, с. 51.

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, с. 136.

Вместе с тем недостаточно точное, полное и глубокое соответствие (адекватность) является также и определенностью хотя бы уже потому, что образ частично воспроизводит именно то, что присуще отображаемому. Существование однозначного, пусть даже не доведенного до взаимно-однозначного, соответствия уже свидетельствует об определенности познавательного результата.

То или иное сочетание определенности и неопределенности, имманентно присущее адекватности отображения, как показывает анализ реальных гносеологических ситуаций, определяется не одним, а целым комплексом сложнейшим образом переплетающихся обстоятельств. В самом общем виде неадекватность, условно приравненная к неопределенности, возникает в ходе и в результате взаимодействия субъекта и объекта познания, точнее, их взаимного воздействия друг на друга. Во-первых, основываясь на том, что как показывает современная наука, реальным объектам имманентно свойственна неопределенность, а также учитывая то, что субъект в той или иной степени может адекватно воспроизводить особенности объекта, логично заключать о возможности необходимости объективного воспроизведения объективной неопределенности. Особенно это заметно при формировании знания об объектах или системах с так называемым «вероятностным поведением». «Знание, если оно адекватно воспроизводит объект,—пишет А. Урсул,—должно фиксировать в своих формах не только определенность объекта познания, но и его неопределенность. Эта неопределенность не есть незнание, а именно знание, точнее, такой же важнейший компонент знания, как и его определенность»¹².

Следующим обстоятельством выступает наличие так называемых «шумов», «помех» в самом процессе отражения, проявляющихся в виде влияния внешних по отношению к познавательному процессу объектов. Невозможно рафинировать познание и представить его как чистое субъективно-объективное отношение. Принципиальная включенность его в сеть природных и социальных процессов определяет постоянное возникновение множества «возмущений», ведущих к деформации.

Очевидно, что если неопределенность знания, порождаемая субъективными причинами, может, должна и преодолевается в ходе развития познания и практики, заменяемая на некоторых их этапах на определенность, то объективную неопределенность, отображенную в содержании знания в виде определенной степени неадекватности, полностью элиминировать не удастся, поскольку она является внутренним и необходимым моментом любого познавательного результата.

В то время как гносеологические образы всегда включают в себя единство определенности и неопределенности, в конкретных познавательных ситуациях роль этих компонентов неравнозначна и проявляется в разных условиях по-разному, в том смысле, что на первый план выдвигается то одно, то другое.

Движение знания представляет собой не только переход от неопределенности к определенности—повышение степени адекватности, но и постоянное порождение новой неопределенности.

Итак, знание можно рассматривать как единство определенности и неопределенности в указанном здесь смысле, причем послед-

¹² А. Д. Урсул, Проблема информации в современной науке, М., 1975, с. 154.

няя является неперменным условием его развития, неотъемлемым свойством, характеризующим его адекватность и объективность. «Знания, лишенного неопределенности, в принципе не может быть (хотя может существовать знание, где эта неопределенность ещё не выявлена)»¹³. Приводимое здесь уточнение позволяет относить термин «знание» к сфере образов, не в полной мере адекватно отражающих действительность.

Адекватность, понимаемая как соотношение определенности и неопределенности, свойственная, в общем-то, любому результату объектно-субъективного взаимодействия—отображения и поэтому ее нельзя считать специфическим признаком знания, которое в отличие от непосредственной адекватности, включает в себя осознанность, выявленность субъектом при помощи социально выработанных и освоенных им критериев степени соответствия образов объекту. Такое осознание, выражающееся в оценках, составляет механизм перехода от адекватности—«истины в себе» к истине—«истине для нас». Своего рода ценностью, требующей признания при этом, выступает определенная степень соответствия образа оригиналу.

Абсолютизация значимости указанного перехода «истины в себе» в «истину для нас» приводит иногда к отождествлению знания с его результатом. «Знание вообще, и научное в частности...—считает, например, Г. Геворкян,—представляет собою по природе своей существование «истины для нас»¹⁴. «Знанием,—по его мнению,—мы можем назвать лишь те идеальные образы, которые будут истинными «в себе», вместе с тем стали каким-то образом истинными «для нас», для субъекта»¹⁵.

Очевидно, что такое определение недостаточно, оно требует уточнения и дополнения хотя бы ещё одним признаком—обоснованностью истинности образа, претендующего на статус знания.

Истинность, таким образом, как в достаточной мере точная для данного уровня развития социальной практики оценка степени совпадения образа и отображаемого (в отличие от простой адекватности) свойственна целому ряду гносеологических образований, исключая заблуждение, ложное мнение и т. д. Она выступает неотъемлемым признаком знания, его атрибутом. Это обстоятельство неоднократно выявлялось в современной марксистской литературе. «Истинность есть,—совершенно четко и определенно фиксирует Ю. Ведин,—безусловный, необходимый признак феноменов сознания, являющихся знанием»¹⁶. Положение о том, что понятие «знание» предполагает истинность и что, следовательно, не существует «ложного знания», подчеркивает А. Волон¹⁷.

Истинность как атрибут знания нетождественна логической правильности, которая характеризует прежде всего процесс осуществления познавательной деятельности, точнее, одного лишь его уровня—логического конструирования. Именно так она (правильность) определяется в «Логическом словаре» Н. Кондакова, т. е. как «соот-

¹³ Там же, с. 157.

¹⁴ Г. А. Геворкян, К вопросу о признании в науке утверждений и теории, с. 5.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ю. П. Ведин, Сущность и структура знания, Рига, 1972, с. 8.

¹⁷ А. Г. Волон, О понятии «знание» («Труды Таллинского политехнического института», 1973, № 341, с. 93).

ветствие логического процесса—мышления (его суждений, умозаключений, понятий) действующим логическим фигурам (моделям) в виде правил и законов»¹⁸. Подобно тому, как любая социальная деятельность называется правильной в том случае, если каждое действие, а также порядок в цепочке действий, т. е. порядок их осуществления соответствует определенным исторически выработанным и закрепленным правилам, мыслительная деятельность может быть правильной при условии её согласования со свойственными её сфере нормативами¹⁹.

Правильность выступает фактически не только свойством логического процесса, но и его результатов—логических образов—понятий, идей, суждений, умозаключений.

Несовпадение, а в отдельных случаях и противоречивое отношение правильности и истинности проявляется, например, в тех реальных логико-гносеологических ситуациях, когда умозаключение по логической форме правильно, а вывод, который получается в итоге, ложен или наоборот. На смещении логической правильности истинности, как известно, строится софистические конструкции. «Рассуждение может быть верным,—пишет о подобных случаях А. Черч,—несмотря на то, что утверждения, из которых оно построено, ложны, и как раз тогда, когда мы констатируем эту независимость, мы определяем форму от содержания»²⁰.

Смещение и приравнивание гносеологической истинности и логической правильности не раз вызывало возражения у советских философов на том основании, что правильность относится только лишь к структуре мыслительных образований и их соотношениям²¹.

Учитывая, однако, их реальное различие, нельзя их резко противопоставлять друг другу, ибо логическая правильность уходит своими корнями в истинность, производно от неё, обуславливается социальной практикой. «Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения»²².

Правильность как свойство относительно самостоятельной по отношению к конкретному содержанию знания логической формы его проявления представляет собой необходимое, но недостаточное условие формирования истинности характеристики. Правильность как таковая не гарантирует истинности, а является всего лишь её предпосылкой, каким-то моментом, стороной. «Логическая нормальность лишь постольку требуется для познания,—наметил в свое

¹⁸ Н. И. Кондаков, Логический словарь, М., 1975, с. 471.

¹⁹ В наиболее заостренной форме задачу необходимости подчинения мышления логическому «законодательству», особой «дисциплине» поставил И. Кант, а вслед за ним и его ученики (см.: И. Кант, Соч., т. 3, М., 1964, с. 598—599, также: В. Виндельбанд, Прелюдии, Спб., 1904, с. 193).

²⁰ А. Черч, Введение в математическую логику, т. 1, М., 1960, с. 15.

²¹ Д. П. Горский, И. С. Нарский, Т. И. Ойзерман, Истина как процесс и как результат познания, с. 3—4; Г. А. Курсанов, Ленинская теория истины и кризис буржуазных воззрений, М., 1977, с. 57—58; Ю. П. Ведин, Истинность и правильность мышления («Вопросы теории познания диалектического материализма», Рига, 1973) и др.

²² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, с. 198.

время взаимосвязь этих свойств В. Виндельбанд, — поскольку последнее имеет своей целью достижение истины»²³.

Итак, «правильность» характеризует мыслительный процесс и его продукты — различного рода логические конструкции, не являясь специфическим признаком знания (как и любого гносеологического образа), в снятом, преобразованном виде входит в истинность.

Истинность, не совпадающая, таким образом, ни с простой, непосредственной адекватностью, ни с логической правильностью, характеризует отношение гносеологического образа как к его объекту, так и к владеющему им субъекту, и в этом смысле она отличается от «истины». Истинность, как подмечено в советской литературе, не только относится к истине, но и составляет в определенном смысле её сущность подобно тому, как материальность включена в существо материи. Вместе с тем истинность отличается от истины опять-таки по аналогии с соотношением материи и материальности: истинность не есть истина в том смысле, как время, будучи материальным, не является материей²⁴. Истина — содержательная сторона гносеологического образа, в то время как предикат «истинность» — это сокращение для описания указательного отношения. Истина всегда конкретна, поскольку содержание образа всегда конкретно, истинность же как независимая от того или иного содержания характеристика — абстрактна²⁵. Можно сказать, однако, что истинность конкретна в том смысле, что критерии, нормы, применяемые для ее установления, обусловлены конкретными обстоятельствами, определенным уровнем социальной практики.

Выступая необходимым признаком знания, его атрибутом, истинность вместе с тем не является достаточным условием для его существования. Она — не единственный его атрибут, поэтому знание и не сводится к ней. Проведение различия между истинностью и знанием — её субъектом — подводит к выявлению ещё одного неотъемлемого признака знания — достоверности, которая означает «полную, абсолютную, исчерпывающую фактическую обоснованность какого-либо утверждения о явлении материальной действительности, в отличие от вероятности как неполного, частичного, относительного обоснования его»²⁶.

Заметим, что хотя истинность и достоверность представляют собой совершенно различные характеристики знания, тем не менее в специальной и общей литературе их несовпадение усматривается не всегда. «Знание... — утверждал, например, Т. Липис, — есть истина или объективная достоверность»²⁷. В последнем издании БСЭ «истина» и «достоверность» признаются синонимами²⁸. Подвергая критике недифференцированный подход к этим понятиям, ряд наших авторов справедливо подчеркивает и аргументирует необходимость их теоретической демаркации²⁹.

В марксистской литературе, содержащей уточнения понятия зна-

²³ В. Виндельбанд, указ. соч., с. 206.

²⁴ И. С. Нарский, Диалектическое противоречие и логика познания, 1969, с. 164.

²⁵ Там же, с. 167.

²⁶ Л. В. Смирнов, Вероятность и ее роль в научном познании, с. 71.

²⁷ Т. Липис, Основы логики, Спб., 1902, с. 4.

²⁸ «Большая советская энциклопедия», 3 изд., т. 8, М., 1972, с. 466.

²⁹ П. В. Копнин, Гносеологические и логические основы науки, М., 1974, с. 154—159; Л. В. Смирнов, Вероятность и ее роль в научном познании, с. 82—86 и др.

ния, достаточно однозначно подчеркивается необходимость свойства достоверности для установления его гносеологической специфики, утверждается, что это понятие имплицитно включает как истинность, так и достоверность. «Под знанием имеются в виду удостоверенные сведения о материальных и духовных явлениях...»³⁰. Более того, иногда при дается решающее значение свойству обоснованности гносеологического образа для отнесения его к «знанию», и тем самым для отграничения его от других познавательных явлений. «Истинное познавательное содержание,—считается при этом, когда получает обоснование, превращается в знание...»³¹.

Несомненно, что далеко не все познавательные продукты, в том числе и в науке, характеризуются обоснованностью, поскольку не все познавательные процедуры и ситуации включают в себя обосновывающие действия. Отрицательный эффект отсутствия этого свойства в явном или неявном виде постоянно дает о себе знать. «Математик, физик, астроном,—фиксирует его Э. Гуссерль,—для выполнения даже наиболее значительных своих научных работ не нуждается в постижении последних основ своей деятельности. И хотя полученные результаты обладают для него и других значением разумного убеждения, он все же не может утверждать, что всюду выяснил последние предпосылки своих умозаключений и исследовал принципы, на которых основывается правильность его методов. Но с этим связано несовершенное состояние всех наук»³². Действительное функционирование описываемого Э. Гуссерлем типа научных результатов в большинстве случаев оказывается эффективным для нужд практики. Но в то же время явно недостаточным для теоретически развитого ума. «Но хотя науки,—продолжает в этой связи философ,—развились и дали нам такое господство над природой, о котором прежде нельзя было и мечтать, все же они не могут удовлетворить нас в теоретическом отношении. Это не кристально ясные теории, в которых были бы вполне понятны функции всех понятий и утверждений, все послышки точно анализированы и где, следовательно, общий результат стоял бы вне всяких теоретических сомнений»³³.

Обоснованность знания тесно связана с его доказательностью хотя и не тождественна ему. Между тем их отождествление, как уже отмечалось, нередко проводилось в классических рационалистических концепциях познания, под влиянием которых и делались заключения о том, что «...обоснование всякого познания может быть только доказательством»³⁴.

Доказательство, в отличие от обоснования,—это процесс установления не истинности гносеологического образа—знания, а всего лишь правильности его логического оформления. Эта логическая процедура реально является вспомогательным средством, каким-то моментом, стороной всего комплекса обосновывающих действий.

Наиболее адекватным понятием, выработанным в мировой философии для теоретической экспликации важнейшего свойства зна-

³⁰ «Философская энциклопедия», т. 3, М., 1964, с. 562.

³¹ Р. Е. Квижинадзе, Понятие истины и альтернативы в теории познания, Тбилиси, 1977, с. 94.

³² Э. Гуссерль, Логические исследования. Прологомены к чистой логике, т. 1, СПб., 1909, с. 6.

³³ Там же, с. 6.

³⁴ Л. Нельсон, Невозможность теории познания («Новые идеи в философии», СПб., 1913, с. 72).

ния—обоснованности и процесса его становления, обоснования можно рассматривать понятие опосредования, классическое понимание которого было разработано в свое время Гегелем. Если по Гегелю, однако, это опосредствование духовно по своей сути, то, согласно диалектико-материалистическому пониманию, это—комплексный процесс, единство духовных и практических действий познающего субъекта, осуществляемых им по включению полученного результата познания в целостную систему культурных значений, выработанных и закрепленных в обществе на том или ином конкретном этапе его существования. «Сознание истины,—описывает этот процесс С. Б. Крымский,—наряду с проблемой адекватности требует введения дополнительных оценок на связь с прошлым опытом и с перспективами дальнейшего познания и действия, оценок на вписывание полученных результатов в систему культурных ценностей, в мир человеческой деятельности, её потребностей и целей, в систему мировоззренческих и методологических средств познания»³⁵. Показателем наличия у гносеологического образа (знания) обоснованности является, следовательно, непротиворечивое вписывание его в определенную социокультурную среду. Эта непротиворечивость предполагает полноту (достаточность) и объективность оснований в конкретных исторических условиях. Такое понимание обоснованности, по своей сути исключающее жесткость, подтверждается многочисленными примерами из научного и обыденного познания, когда одно и то же утверждение на разных временных отрезках считается достоверным или вероятным. Это же понимание, очевидно, исключает полностью поиск «элементарных» оснований и, наоборот, выводит в конечном счете к предельно сложным, концентрирующим в себе все конкретно-исторические достижения человечества по духовному и практическому освоению действительности теоретическим структурам. Примером реконструкции внутринаучных, метанаучных, философских, в конечном счете, наиболее общих «предельных» оснований научного знания, в частности, математического, является анализ, предпринятый в нашей литературе М. Козловой³⁶.

Таким образом, подводя краткие итоги проделанного здесь анализа знания, его природы, неотъемлемых свойств, можно заключить, что оно представляет собой, как и все другие результаты познавательного процесса, гносеологический образ. От близких ему эпистемологических форм его отличает единство характеристик—истинности и достоверности (обоснованности). Разумеется, что эти свойства носят не абсолютный, а относительный характер, поскольку они изменяются, углубляются (иногда и отвергаются вовсе) при постоянно происходящих в обществе изменениях способов и средств познания, практического освоения мира, а также при переоценке общественных, в том числе и гносеологических ценностей. Ясно в этой связи далее и то, что предлагаемая здесь теоретическая модель знания представляет собой своего рода гносеологический идеал, актуально достижимый не на отдельно взятом этапе познания и не отдельным индивидом, а лишь в тенденции. Реально в познавательной практике оно выступает нередко в виде различных своих модификаций (в

³⁵ С. Б. Крымский, Научное знание и принципы его трансформации, Киев, 1974, с. 35.

³⁶ М. С. Козлова, Проблемы оснований науки («Природа научного познания», Минск, 1979, с. 13—56).

том числе в виде незрелых форм типа мнения, верования, предположения, догадки, предрассудка, предубеждения или наоборот, в более зрелой форме—истинного убеждения), рассмотрение которых не входит в рамки нашего исследования.

ԳԻՏՆԻԹԻ ԲՆՈՒՅԹԻ ԵՎ ՀԻՄՆԱԿԱՆ ՀԱՏԿԱՆԻՇՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

ՓԱՋԻԿ ՕՇԱՆՅԱՆ (Լեհիեզրայ)

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Գիտելիքի, նրա բնույթի և անխղելի հատկանիշների վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ գիտելիքը, ինչպես և ճանաչողական պրոցեսի մյուս բոլոր արդյունքները, իմացաբանական պատկեր է: Գիտությունը տարբերակվում է ճշմարտացիության և վավերականության միասնությամբ: Այդ հատկանիշները ոչ թե բացարձակ, այլ հարաբերական բնույթի են, քանի որ ճանաչողության, աշխարհի պրակտիկ յուրացման ուղղությամբ հասարակության մեջ եղանակների և միջոցների մշտապես տեղի ունեցող փոփոխությունների, ինչպես նաև հասարակական, այդ թվում և իմացաբանական արժեքների վերադնահատման ժամանակ դրանք փոփոխվում, խորանում են:

Գիտության առաջարկվող տեսական մոդելը յուրատեսակ իմացաբանական մի իդեալ է, որը արդիապես հասանելի է չէ թե գիտության առանձին վերցրած մի որևէ փուլում և առանձին անհատի կողմից, այլ լոկ տենդենցիայի մեջ: Նշված իմաստով գիտության տեսական կերպարը հասարակական իմացության մեջ, որպես կանոն, գործում է իբրև ինչ որ ճանաչողական կարգավորիչի իմացաբանական արժեք: